

УДК 1(091)+172.15

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.3.235

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИДЕИ ПАТРИОТИЗМА

С.В. Килин

ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры»,
г. Краснодар

Идея патриотизма близка человечеству со времени образования оседлых сообществ, но ее целостное историко-философское осмысление только начинается. Имеющиеся исследования обращены преимущественно к фрагментам и явлениям патриотической идеи, которые в силу их случайно выбранного разнообразия невозможно рассудочно интегрировать в единое смысловое понятие. Возникающие от этого субъективные представления о патриотизме не способствуют усвоению конкретного понятия, включающего в себя бытие патриотизма и его сущность. В свою очередь, дефицит патриотического умонастроения ограничивает условия для формирования гражданской идентичности и духовного роста нации, что значительно сужает перспективу государственного развития и воспитания личности. В статье рассматривается развертывание идеи патриотизма в истории западноевропейской и русской философской мысли и культуры. На основе прослеживания исторического развития идеи патриотизма, которая в своем развертывании идет от непосредственного стихийного состояния к диалектически разумному понятию, сохраняющему истину этого ее эмоционального аспекта, разрабатывается логическая форма понятия патриотизма, определяющая бытие и сущность составляющих его моментов.

Ключевые слова: патриотизм, понятие, идея, псевдопатриотизм, Кант, Гегель, Чаадаев, Салтыков-Щедрин, Перикл, Лосев.

Согласно диалектическому методу познания, бытие и сущность патриотизма коренятся в его понятии, развитие которого происходит за счет внутреннего противоречия моментов этого понятия. Возникающие противоречия, являющиеся, по известному положению Георга Гегеля, корнем всякого движения и жизни, вызывают патриотические чувства и умонастроения человеческих индивидуумов. Так как логические преобразования понятия обретают смысл только в единстве с их объективацией в историческом времени, то исследование следует начинать с этапа возникновения феномена патриотизма, который обнаруживается на грани мифологического и философского сознания, что в мировой культуре ярко прослеживается в Древней Греции.

В доклассическом античном периоде речь может идти лишь о патриотической интуиции, предвосхищающей рациональное чувство патриотизма периода возникновения первых государств. Этот первоначальный

этап имеет трудноуловимые хронологические границы, когда в синкретическом единстве мифологического мировоззрения зарождается философское мышление [16, с. 28]. В сознании греческого индивидуума того времени значимы были не этнокультурные переживания, которые еще не сформировались в древнем сообществе, а чувства принадлежности к общему очагу, родному дому и территории обитания [35].

Мифологические представления формируют так называемую филономическую религию, которая основывалась «на святости и безусловном приоритете общего и родового (филогенного) над личным и индивидуальным» [31]. В филономической религии нравственность как всеобщий образ действий индивидов [14] совпадает с индивидуальной моралью как определенностью содержания человеческой воли, т. к. законом такой морали был не отдельный человек, еще не индивидуализировавшийся в мифологический период, а весь его род. Это обязывало каждого члена сообщества быть причастным к сохранению племени и при необходимости жертвовать ради него собственной жизнью. Столь исключительная сплоченность объяснялась тем, что в период отсутствия права, обеспечиваемого государством, семейно-племенное братство давало возможность выжить, т. к. вне его человек оказывался незащищен как физически, так и духовно. Служить интересам племени становилось безусловной потребностью индивидов, которыми владело чувство ответственности за судьбу рода и укрепление его могущества.

Индивидуализация личности, исподволь преодолевающая мифологическое сознание, вела к деструкции ее филономического поведения. Безусловная приверженность роду отступала перед натиском новых морально-этических ориентиров, ставящих в центр внимания личность. Конфликт между ценностью индивида и его рода порождал отрицание власти отца в семье, формируя так называемое онтономическое сознание [12]. С заменой биологического бессмертия рода бессмертием эсхатологическим (провозглашавшим религиозную бесконечную ценность одинокой человеческой души под лозунгом «Брачующиеся поступают хорошо, небрачующиеся – лучше») филономическая мораль утрачивает свою силу. Способность быть преданным своему роду сохранялась, но это была уже «любовь к непосредственно видимому, а не та мистическая, к далекому претворению своего естества в непознаваемом будущем, к его бессмертию на земле» [13].

Рефлексия над патриотическими чувствами индивида и новая морально-нравственная концепция проявляются в гомеровской мифологии. Внутривидовые естественные связи распадаются и подменяются межродовыми, имущественными отношениями, накапливая предпосылки для формирования государственно-политических отношений. Впервые именно в гомеровской «Илиаде» из уст Гектора раздается призыв живущим и будущим поколениям бороться за интересы своего народа: «Знамение лучшее всех – лишь одно: за отчизну сражаться!» [11]. Так патриотизм перерастает из мифологических предпосылок в зрелые концептуальные построения.

С развитием политической культуры в городах-полисах чувство принадлежности к родной земле ослабевает, но утверждается единство с культурной средой родного города и усваиваемой гражданственностью. Таким образом, со стихийными основаниями патриотизма соединяются его нравственные и духовные смыслы как обязанности и добродетели [36].

Событием патриотической мысли греческой Античности стала произнесенная афинским стратегом Периклом надгробная речь в честь воинов, погибших в Пелопоннесской войне. Укрепляя идею сражаться в интересах своего народа, выраженную словами Гектора в «Илиаде», политик одновременно подвергает критике гомеровские мифологические образы, преодолевает их и возвышается над ними, как критическое сознание возвышается над сознанием ритуально-культурным. В обращении выразительно эксплицируется субстанциональный принцип патриотизма – категория свободы; военачальник заявляет, что чтить подвиги павших героев – это убеждение свободных граждан и для этого «...ни Гомер, ни другие певцы не нужны» [34, с. 85]. Перикл предлагает гражданам брать пример не с эпических героев, а с нынешних афинян. Он не только убеждает соотечественников жертвовать собой во имя интересов Родины, но и объясняет необходимость таких действий через обретение гражданами свободы и жизни (что сводится к понятию «счастье») в их родном государстве, в котором свобода возможна. Тогда служение родному городу само по себе почетно, а гибель во имя него по славе не уступает подвигам гомеровских героев. Постепенно патриотическое умонастроение как призыв к сознательному подчинению частного общему становится нравственной нормой жизни. Гражданин страны прежде всего должен принести пользу своему отечеству и людям, проживающим в нем [10].

Патриотическую интенцию через развитие политических традиций и формирование гражданского патриотизма продолжили Сократ и Платон [5, с. 286]. В сознании греков перманентно утверждаются три принципа цивилизованной жизни: принадлежность к коллективу, родине (очагу) и законам (как регуляторам справедливости). Происходит понимание того, что единство граждан – это фундамент полиса, его благо, без которого невозможно процветание ни домашнего, ни общественного хозяйства.

Платон обращает внимание на всеобщее соблюдение законов; в них он видел воплощение в государственном начале познанного народом блага. В своих диалогах на примере рассуждений Сократа он объясняет необходимость законодательства и его безусловное руководство гражданами полиса. Так, Платон пересказывает ответ Сократа друзьям, предлагающим ему совершить побег из заточения по причине несправедливого смертного приговора. Сократ отказывается от помощи друзей и, одушевляя законы, говорит от их лица о том, что если они будут попраны своими же гражданами, то будут погублены и сами законы, и государство: «Прежде всего, не мы ли породили тебя? И разве не благодаря нам взял в жены твою мать твой отец

и произвел тебя на свет?» [27]. Сократ доказывает, что в соблюдении законов осуществляется служба государству; они и есть необходимая патриотическая миссия гражданина: «Отечество дороже и матери, и отца, и всех остальных предков, оно более почтенно, более свято и имеет больше значения и у богов, и у тех, у кого есть ум, и перед ним надо благоговеть, ему поклоняться и, если оно разгневано, угождать ему больше, чем родному отцу... Учинять же насилие над матерью или над отцом, а тем паче над Отечеством – нечестиво» [27].

Аристотель, развивая идеи значимости государства, утверждал, что «первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части. Уничтожь живое существо в целом, и у него не будет ни ног, ни рук» [2, с. 146]. В поисках лучших способов взаимодействия индивида и государства мыслитель обращает внимание на единомыслие как существенный момент патриотического сознания граждан. Благодаря единомыслию легче достичь общих целей, но для этого необходимо научиться жить в дружбе и согласии. В этот период патриотизм приобретает явные черты этатизма, раскрывающиеся в склонении к общим целям и интересам государства. Эти стремления становятся первостепенным объектом патриотических чувств.

После разрушения полисной государственности греки сначала оказались в Македонской, а потом в Римской империи. Эта культурная трансформация обусловила формирование универсального стиля жизни наряду с локальным, местным. Человек стал ощущать себя гражданином мира, а не отдельного небольшого государства. «Откуда ты прибыл?» – «Отовсюду. Ты видишь перед собой гражданина мира» [31] – этот ответ, данный древнегреческим философом Диогеном Синопским, принято считать зарождением космополитизма как нового отношения к государственности. В словах Диогена прослеживается расширение понимания патриотических чувств от приобщенности к местным группам и интересам до универсальных позиций и стремлений.

В эпоху Римской империи эта мировоззренческая позиция конкретизируется: в сознании граждан утверждается представление о двух родинах. Одна из них связывает индивидуума по местности его рождения, включающей природные особенности и социокультурное окружение, другая по гражданству (основанному на юридическом праве). Такое деление конкретизирует в предмете патриотизма малую родину (*patria*) или гражданскую общину (*civitas*) и большую родину, т. е. государство (*res publica*).

Возникшая двойственность патриотических чувств (с одной стороны – локальный полисный патриотизм, с другой его противоположность – космополитизм) оставалась неразрешимым противоречием для мировидения античного грека. Ограниченность языческой культуры, выросшей из природного материального начала и от этого доминирующей над духовным миром личности, не позволяла осуществить синтез актуальных противополож-

ностей. Эту проблему могла преодолеть духовно ориентированная культура, подчиняющая себе все конечное, чувственно-материальное («языческое») и пришедшая в форме христианской религии.

Главной задачей, стоящей перед духовным, а значит, свободным человеком, становится поиск не земного и временного отечества, а совершенного, вечного, т. е. небесного, «ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Послание к евреям, 13:14).

Вместе с переориентацией мировоззрения с земного на небесное христианин отвлекался и от политического общества Рима, он начинал жить в измерении Церкви: стремился оказаться в благодати Христа [22, с. 379]. Такая позиция объяснялась тем, что в земном мире жизнь есть «томление материализовавшегося духа в чужеземном плену по своему Отечеству» [23]. «При отсутствии справедливости, – убежден Августин, – что такое государства, как не большие разбойничьи шайки; так как и сами разбойничьи шайки есть не что иное, как государства в миниатюре» [1]. Следуя этому, преобразуется и предмет патриотических чувств – от чувственно постижимого материального в истинно сущую духовную сферу. Для Августина патриотизм – это стремление к единому союзу с Богом, к которому в земной жизни можно приблизиться через нравственное совершенствование личности и любовь к Создателю. Утверждение христианства в качестве государственной религии способствовало проникновению морально-нравственных христианских идеалов и норм в юридически легитимное правовое поле.

Концепция «симфонии властей», как наиболее гармоничная схема взаимоотношений церковной и государственной власти, утвердившаяся в православной христианской традиции, не нашла почвы для укоренения в католичестве. В связи с этим в католическом христианстве вне гармонии земной и религиозной власти зародилась ложная форма патриотизма – христианский национализм, основанный на развивающемся клерикализме. Итогом этих процессов стали не только теократические механизмы управления властью в государствах Западной Европы, но и насильственное распространение католической идеологии в ходе Крестовых походов в других странах¹.

В целом в религиозно ориентированном сознании средневекового христианина происходит осмысление сущности божественного духа человека. Каждый человек, по подобию Христа, должен смотреть с любовью не

¹ Крестовые походы западных европейцев как группы «выбранных и любимых Богом» и «отличающихся от всех наций», официально начавшиеся с речи Папы Урбана II на Клермонском соборе, объяснялись защитой Церкви и веры против «сухого поколения, которое не направило свое сердце и не доверило свой дух Богу». Однако Крестовые походы способствовали и решению иных задач. В реальной политической атмосфере Европы начала II тысячелетия был разлад; короли и дворяне сражались друг с другом, пытались стабилизировать свои королевства, расширить свои границы и уничтожить своих врагов. Поощряя Первый крестовый поход, Урбан II способствовал прекращению боевых действий в Европе.

на себя, но на других – в этом устремлении впервые утверждается универсальный всечеловеческий аспект патриотизма. Христианская любовь не отрицает противоположную сторону, а наоборот – стремится к ней, что в крайних случаях выражается в молитве за врагов, в любви к врагам. Именно в таком целостном желании единства любовь проявляет свои действительные свойства: «снимать свою особенность, особенную личность, расширять ее до всеобщности» [8]. С учетом этих нравственных принципов можно прийти к выводу, что Отечество в средневековом христианстве творится из личного достижения образа Бога в себе.

Мировоззренческая концепция «симфонии властей» способствовала формированию в православном сообществе двойственного понимания предмета патриотизма как высшего небесного и земного государственного начала, развивающегося сообразно христианским духовным устремлениям (конституирующим нормы нравственного порядка, уважение власти как инструмента земного мироустройства). В словах Иоанна Кронштадтского этот концепт выражен следующим образом: «Люби отечество земное... Оно тебя воспитало, отличило, почтило, всем довольствует; но особенно люби отечество небесное... то отечество несравненно дороже этого, потому что оно свято и праведно, нетленно... Но, чтобы быть членом того отечества, уважай и люби [его] законы, как ты обязан уважать и уважаешь законы земного отечества» [17]. «Худой гражданин царства земного и для Небесного Царства не годен» [32].

Христианская любовь способствовала моральной универсализации идеи патриотизма: никакой народ не может иметь превосходства над другим, и апостол Павел дал недвусмысленную установку, сказав, что для облекшихся во Христа «нет ни Еллина, ни Иудея» (Послание к колоссянам, 3:11). Благодаря этому в понятии патриотизма объективируется противоположность: античной рассудочной любви к очагу (природе) и полису как обществу противопоставляется созерцательная, диалектическая, а материальному пониманию – любовь к Царству Небесному, т. е. идеальному обществу [20, с. 335].

С развитием торговой и ремесленной деятельности в городах и укреплением монархий в странах Западной Европы мировоззренческий акцент смещается с духовно-религиозного образа жизни на светский. Индивидуализм становится принципом жизни. Это пробуждение духа, реабилитирующее подавленную в Средневековье индивидуальность, через гуманистическое мировоззрение способствует новой ориентации патриотизма. Проявляется гражданский темперамент; к примеру, представители гуманизма как образовательно-культурного течения уже не боялись критиковать представителей Церкви и высшей власти.

По прообразу духовной свободы личности, развитой в христианстве, свобода уже в гражданской жизни становится основополагающим принципом патриотизма. В западноевропейском пространстве Церковь еще пыта-

лась идеологически противостоять усиливающейся патриотической преданности государству, считая последнюю предательством Церкви [37], но социально-политические процессы уже укрепили вектор гражданско-светского развития. «Совершеннолетие» патриотизма происходит в рассудочно-рефлексивном осмыслении патриотических чувств.

Идеи гражданского гуманизма были направлены на становление республиканского правления, принципом которого являлась гражданская свобода. Она выражалась в равенстве всех перед законом, справедливости как моральной норме, в праве избирать и быть избранным в магистратуры. Итальянские гуманисты формировали новый тип общественного человека, идеалом которого была свобода творчества своего земного бытия. Эта цель достигалась через созидательный труд и гражданскую активность, наполняющие гражданский патриотизм Нового времени. Воспитание патриотизма, по убеждению гуманистов, необходимо начинать с детских лет; только непрерывный процесс гражданского образования может сформировать честных и полезных обществу граждан. В диалоге «О гражданской жизни» Пальмиери расширил цель педагогики от образования гражданина до формирования его верности Отечеству: «Каждый должен быть готов переносить трудности и подвергать себя опасности, если знает, что из этого последует общее благо и польза для государства; тот, кто пренебрегает коллективным интересом во имя личной пользы, заслуживает кары и публичного осуждения» [4, с. 36].

Активно насаждаемая прогосударственная позиция не могла не привести к крайностям понятия патриотизма, искажающим его сущность. Под влиянием принципов Макиавелли идея патриотизма сталкивается с морально-этическим противоречием. Макиавелли, которого считали честолюбивым, прагматичным и циничным политиком, был убежден в том, что если для объединения страны необходимо осуществить насилие и злодейство, то можно пойти этим путем. Идея Родины у итальянского политика доминировала над нравственностью и законом. «Коль скоро речь идет об интересах Родины, не должно рассуждать, справедливо ли сие решение или несправедливо, милосердно или жестоко, похвально или зазорно; следует оставить в стороне всякие соображения и принять то решение, которое содействует спасению ее жизни и сохранению свободы» [21]. Макиавелли впервые использовал термин «государственный интерес», который оправдывал намерения на право государства действовать вне закона, суверенитет которого оно призвано гарантировать, в случаях, если такие действия соответствуют «высшим государственным интересам».

Противоречивая с точки зрения этики макиавеллиевская позиция объясняется амбивалентным различием общечеловеческой морали и государственной нравственности. «Государство не подчиняется личной морали, так как его нравственная задача состоит в том, чтобы сохраниться и преуспеть как государство (чем, между прочим, обеспечить пространство для личной морали его представителей своего народа)» [15].

Формирующиеся в Новое время направления философской мысли – эмпиризм и рационализм – своеобразно раскрывали основы патриотизма. Один из первых эмпириков, Томас Гоббс, вполне ясно высказал конституционные и социально-политические взгляды на становление Великобритании. Он уходит от стихийности чувств – отвергает аффекты и эмоции, свойственные человеку от природы, считая, что естественное состояние человеческого общества есть «война всех против всех». Для таких изначально разрозненных, атомизированных индивидов патриотизм становится жизненной необходимостью. По сути, он представляет собой смену естественного, стихийного миропонимания на гражданское, государственное. Для этого индивидуумы вынуждены заключить между собой договор. Развивающиеся капиталистические отношения дополняют такую договоренность личными интересами, вследствие чего понятие патриотизма приобретает новое содержание: теперь в нем просматриваются индивидуальная выгода и устанавливаемая законом справедливость, а прежнее основополагающее моральное понимание патриотизма оттесняется на второй план.

Идеи Т. Гоббса развил английский философ-эмпирик Джон Локк. Он трактовал патриотизм «как сотрудничество граждан, общества и государственной власти для достижения общего блага, то есть национального интереса, который необходимо самоотверженно защищать» [16, с. 66]. Локк ввел понятие «гражданское общество», под которым понимал совместное существование и взаимодействие частных лиц в качестве собственников и политических деятелей, интересы которых и должно защищать «правовое государство».

Религиозный эмпирик Дж. Беркли видел основу патриотического чувства в стремлении к социальному единству. Он был убежден, что силы, духовно притягивающие людей, схожи с силами гравитации в естественном мире: «В Духах или Умах людей мы можем наблюдать действие похожего принципа притяжения, благодаря которому люди собираются в сообщества, клубы, семьи, дружеские компании и другие группы...» [3].

Интерпретация патриотизма в духе эмпиризма описывала явления патриотизма, но свести многообразие его проявлений под объединяющее начало при таком способе познания было невозможно. Эмпиризм не имел возможности раскрыть неразрывную связь патриотизма и разумного государства: в своих попытках достичь в патриотизме всеобщего начала он не мог подняться выше определенной им особенной ступени.

Рациональный способ познания, в свою очередь, стремился раскрыть в патриотическом чувстве единое метафизическое начало: идеальные принципы государственной систематизации и соответствующее такому состоянию умонастроение. Так, немецкий философ-рационалист Готфрид Вильгельм Лейбниц, солидарно с Т. Гоббсом принимая идею существования «Града Божьего» на земле, для ее реализации выделяет в качестве ключевых факторов, помимо соблюдения законодательства, моральные и нравственные блага: «Желай каждому блага и счастья и способствуй ему, как своему

собственному» [18]. Тем самым он, как и другие просветители, обогащает понятие патриотизма объединяющими универсальными ценностями, превышающими границы земной жизни, как-то: личной свободой, гражданским равенством, но не игнорирует и частные интересы живущих поколений. Цель государства и его законов он также видел в достижении человеческого счастья: «Общественное счастье состоит не только в том, чтобы мы не страдали, но и в том, чтобы мы работали для общего блага, которое потом возвращается нам» [26].

Таким образом, рациональный (метафизический) путь познания патриотизма, абстрагировавшись от данных опыта, потерял определенность знаний о патриотизме и пришел только к мысли о всеобщем его начале. Можно констатировать, что эмпиризм раскрыл в патриотизме только его явления, без понимания сущности, а рационализм, приблизившись к единой сущности, потерял свою противоположность, то есть остался без его явлений [19, с. 289].

Во Франции патриотизм объективировался также в идеалах свободы, но политически выражался в борьбе против королевской власти. Именно во времена Великой французской революции слово «патриот» вносится в политические словари. По убеждению Шарля Монтескье, при единоличном правлении патриотизм не раскрывает свою сущность. По этому поводу Жан де Лабрюйер говорил, что «у подданных деспота нет Родины. Мысль о ней вытеснена корыстью, честолюбием, раболепством». Только в общем политическом правлении, которое возможно в республике, пишет в «Духе законов» Ш. Монтескье, любовь к Отечеству доступна как «последнему человеку в государстве, так и тому, который занимает в нем первое место» [24].

Ж.-Ж. Руссо усиливает нравственную категорию долга перед Отечеством обязанностью активно участвовать в управлении государством. Он напоминает о первоначальном, а значит, истинном смысле понятия «гражданин»: в отличие от обывателя, он должен активно участвовать в деятельности гражданской общины.

Русский просветитель А.Н. Радищев дополнил размышления Руссо, обогатив понятие о гражданине его более высоким гражданским статусом: он является сыном Отечества. В своей статье «Беседа о том, что есть сын Отечества» Радищев утверждает, что этот величественный статус приобретает не только по праву рождения в Отечестве. Вслед за европейскими просветителями мыслитель объясняет, что таким может стать только свободный, не уподобившийся животному или не заключенный в условия животного рабства человек, «стремящийся всегда к прекрасному, величественному и высокому» [29]. Такой человек с уважением и почитанием стремится ко всему, что требуется для благополучия Отечества, и в служении ему он понимает, что содействует укреплению и развитию государственного орга-

низма. Радищев пусть еще не конкретно, но интуитивно раскрывает сущность патриотизма в любви и стремлении части к целому, как естественной ограниченности (особенности) к всеобщему.

Об активности в делах общественно-государственных писал и Салтыков-Щедрин: «Немыслимо, чтоб человек развитый добровольно отказался от права управлять своими действиями в пользу стороннего лица, потому что подобный отказ был бы равносителен низведению себя на степень низшего организма, а для такой прихоти не имеется никакого разумного объяснения» [30].

Таким образом, в эпоху Просвещения предмет патриотизма трансформируется от Отечества Небесного к земному – государству, которое самостоятельно определяет себе правление. Возникают предпосылки для формирования национального самосознания, сила которого исходит из свободной воли граждан. Благодаря развитию наук исследуется и осмысливается сущность государства. Индивидуально-личностное начало берет верх над коллективной религиозно-соборной ментальностью. Индивидуум приобретает гражданские качества (становится гражданином) и начинает чувствовать себя частью содружества равноправных соотечественников, чья личная польза предусматривает пользу общественную. Патриотическое уmonoстроение усиливает политический организм аспектом гражданской самостоятельности. Просветители-гуманисты вносят в понятие патриотизма личный интерес граждан, связанный с общественным богатством и обусловленный развитием экономики государства.

Противоречия рационального (метафизического) и эмпирического подходов в толковании понятия патриотизма и выявление в нем объективного, то есть того, что обладает свойствами всеобщности и необходимости, были сняты немецкой классической философией. В предмете патриотизма она синтезировала христианскую идею служения Отечеству (Церкви и государству) со светским рациональным принципом гражданско-правовой культуры личности, совершенствующим государственное начало. Понятие патриотизма реализуется как тождество его метафизической сущности и его эмпирических проявлений.

Согласно философскому учению Иммануила Канта, патриотизм содержит в себе две противоположности. Его проявления, представляющие собой наличное бытие понятия патриотизма, есть единичное, принадлежащее внешнему миру. Восприятие этих проявлений не дает само по себе всеобщей идеи патриотизма по причине случайности всего конечного. Если есть единичное, ему должно противостоять всеобщее, как если есть временное, то должно быть и вечное. Немецкий философ озадачивается поиском этого всеобщего, находящегося в противоположности конечному.

Возникает логическая структура феномена патриотизма. Понятие патриотизма, как идеальная сущность, и есть его всеобщее, а реальность, в которой патриотизм выражается, есть сфера особенного (очаг, община, гос-

ударство и т. д.), проявления же патриотизма в реальности есть его единичное. Таким образом, рассматривать патриотизм только со стороны его единичных явлений есть обыденное фрагментарное представление о его феномене. Ошибкой является и видеть в нем лишь абстрактную идею всеобщего единства. В своем действительном значении патриотизм есть то отношение, где всеобщее целиком и полностью определяет его особенную реальность и его чувственную определенность. Это и есть внутренняя необходимая цель патриотизма, где всеобщее является истинным моментом единичного, как и единичное – истинным моментом всеобщего. Внешняя же цель патриотизма – это наличные абстрактные представления эпохи, ее убеждения и ценности, преследуемая полезность. В практическом выражении патриотизм для Канта – это культура моральности личности, которая ориентирует на осознанное самопринуждение к нравственным поступкам, формирует волю к уважению таких поступков и, как следствие, направляет к созданию более совершенного общества / государства. Однако, расчленив феномен патриотизма на его проявления в форме внешней всеобщности и на его всеобщность в мышлении (внешний мир и мышление), которые не могут существовать отдельно друг от друга, философия Канта не смогла выразить их общей связи².

Интегрировать эти категории – всеобщность мышления с всеобщностью бытия – удастся Георгу Вильгельму Фридриху Гегелю. Философское учение Гегеля складывается из троичности компонентов понятия (иначе абсолютной идеи); оно включает в себя конкретное тождество всеобщего логического, особенного природного и единичного духовного отношения мышления и бытия. Эта схема прослеживается с античного времени, но, развитая и целостно выраженная Гегелем, адекватно описывает и понятие патриотизма. Так, содержание патриотизма можно познать в его понятии через исследование взаимосвязи единичного, особенного и всеобщего моментов. Следует заметить, что дать целостное и всеобъемлющее (логически завершенное) определение понятию патриотизма не представляется возможным, так как понятия представляют собой тотальности, и они не могут быть описаны конечными определениями (дефинициями). Вместе с тем можно дать дефиниции моментам, входящим в понятие. Реализованное понятие патриотизма в философии Гегеля становится реальным бытием патриотизма, иначе – его единой тотальностью.

Одним из этих моментов понятия патриотизма является тождественная с собой всеобщность, которая все объединяет в себе, но в которой еще нет никакого различия. В реальности она выражена в абсолютном внутреннем единстве, которое роднит всех людей на Земле как представителей человеческого рода вообще. Этот момент отражает наличие универсальных

² Метафизически невозможно приписать изучаемому объекту конечные определения мышления, зафиксировав таким определением истину, полностью выражающую суть предмета.

ценностей патриотизма, свойственных всем народам на Земле, как то: добровольчество, чувство гражданственности, любовь к природе, окружающему миру, ответственность за будущее мира и др. Другим моментом является обособление этого всеобщего, благодаря чему последнее получает определенное содержание: в реальности оно выражает определенность Родины каждого человека, т. е. духовную и материальную принадлежность каждого индивида к определенной семье, определенному обществу и определенному государству. В этом моменте раскрывается национальный, этнический, религиозный, политический и другие особенные модусы патриотизма. Еще один момент понятия патриотизма – его единичность – есть эмпирическая форма патриотизма; этот момент содержит бесконечное множество его явлений, составляющих жизненный опыт.

Любой из этих моментов, взятый в отдельности, самостоятельно целостно не выражает феномен патриотизма. Каждый из них содержит в себе два других момента, в целом они составляют единство системы развивающегося понятия, или идеи патриотизма. Понятие патриотизма подвижно за счет противоречия его моментов (историческое / временное – логическое / вечное, сознательное / рациональное – инстинктивное / стихийное и др.). Переходя в свои противоположности, понятие патриотизма развивается. Этот переход и «есть источник пламени, которое возгорается в моментах понятия и без которого они мертвы» [6, с. 170]. Активность этому процессу придает дух человека. Таким образом, патриотизм в своей основе социален и диалектически развивает себя в соответствии с различными уровнями общественного сознания и самосознания. В античной цивилизации актуальными были отношения, необходимые для удовлетворения первичных повседневных нужд, в более развитом государстве, достигшем сверхродового гражданского сознания, понятие патриотизма реализуется на более совершенном / обогащенном уровне, содержа в себе актуальный дух народа и его культурно-историческую общность.

«Под патриотизмом, – пишет Гегель, – часто понимают лишь готовность к чрезвычайным жертвам и поступкам. Но, по существу, он представляет собой умонастроение, которое в обычном состоянии и обычных жизненных условиях привыкло знать государство как субстанциональную основу и цель. Это сознание, сохраняющееся в обычной жизни и при всех обстоятельствах, и есть то, что становится основой для готовности к чрезвычайному напряжению» [7, с. 291]. Таким образом, государство становится разумным в себе и для себя через организацию разумной патриотической воли его граждан. Для индивида разумное государство есть его самоцель, соответственно, патриотизм – это сила стремления к разумному государству, превосходящему гражданское общество. «Патриотизм – стремление увидеть в государстве себя существующим свободно и разумно» [9, с. 439].

Основой для развития патриотического умонастроения становится гражданская идентичность, реализующаяся в приобретении духовного опыта личного соответствия ценностям народа и государства. В условиях

такого соответствия через язык, ментальность и народные идеалы наиболее полно реализуется возможность личностного развития и объективации внутренних ресурсов. Актуальные ценности при этом образуются свободной самодеятельностью граждан в интересах государства, то есть государство порождается духом народа. В свою очередь, сознание своей духовной индивидуальности, особенности выступает целью исторической жизни народа, развивающегося в нацию.

Конкретное понятие патриотизма, теоретически разработанное в лоне немецкой классической философии, не стало бы достоверностью вне реализации идеи этого понятия. Россия объективировала понятие патриотизма, которое в культуре европейских народов оставалось лишь постигнутым теоретически. Защищая в войнах XIX–XX вв. не только себя, но и европейский мир, христианские ценности, Российская империя стала авангардом Европы, по сути, фактически воплощала практическую часть европейской идеи патриотизма, которая у немцев осталась в большей степени в субъективности; пусть разумном, но еще абстрактном, нереализованном понятии.

О планетарной роли России пронизательно написал в своем письме А.И. Тургеневу русский мыслитель П.Я. Чаадаев: «Мы призваны, напротив, обучить Европу бесконечному множеству вещей, которых ей не понять без этого... Придет день, когда мы станем умственным средоточием Европы» (цит. по: [16]). Роль Чаадаева в развитии патриотизма состоит в призыве к критическому анализу духовного состояния русского народа. Постигая патриотизм и в отрицательной, ложной форме, как «блаженный патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом цвете и носитя со своими иллюзиями», мыслитель призывает сменить стихийную форму патриотизма разумной формой. В дальнейшем осмысление этой негативной противоположности патриотизма диалектически усилило истинные формы патриотизма и через размежевание на славянофильство и западничество конкретизировало национальный (родной) и универсальный (вселенский) моменты патриотизма.

Русский философ А.Ф. Лосев, дополняя значительный теоретический вклад русской мысли в исследование патриотизма, связал его со смыслом жизни человека. Лосев придает значимость в понятии Родины соборности как уникальной особенности русского духа и первостепенному патриотическому фактору. Соборность, которая в светском государстве трансформируется в гражданскую солидарность, способствует через созидательную деятельность человека преодолению его детерминированности природой и обретению вечного смысла. Идея патриотизма как смысла жизни не нова, она последовательно развевывалась с эпохи Просвещения. Так, Пальмиери видел высшее проявление патриотизма в любви к родине и подрастающему поколению, поскольку в отечестве и потомках продолжается «наша жизнь после смерти». Фихте дополнил эту идею качественными составляющими будущего человеческого рода: «Кто из мыслящих благородно не стремится

к тому и не желает того, чтобы его собственная жизнь возобновилась лучшим образом в его детях, а далее в детях его детей, чтобы уже и на этой Земле продолжать жить в их жизни облагороженным и усовершенствованным даже спустя долгое время после своей смерти, как лучшее завещание потомкам вложить дух в их души, смысл, нрав, которые в его жизни отвращали его от пороков, укрепляли честность, взбадривали леность, поднимали униженность, вырвать их из лап смертности, чтобы так же и они однажды смогли передать потомкам их улучшенными и приумноженными?» [25]. Следуя таким стремлениям, человек, по Фихте, преодолевает свою смертность, оставаясь духовно навсегда в роде, и, пока будет существовать его народ, его Отечество, будет существовать в народном духе и все им совершенное [33, с. 261].

Каждому человеку, развивает мысль Фихте Лосев, свойственна страсть к утверждению себя в мире, но не себя как индивида – в отдельности, а в своей общности со своим родом (а иного утверждения и невозможно, т. к. утверждаются в социальном окружении), т. е. со своим народом и через него – с человечеством в целом. Благодаря этому вожделению единства с общим, по его словам, не индивидуум живет в роде, но род живет в индивидууме. Будучи не только физическим организмом, но душой, сознанием и личностью, человек, проживая в социально-духовном (в том числе религиозном) родстве с другими людьми и чувствуя общее этого родства, такое его отражение внутри себя, когда оно есть он сам, понимает смысл этого общего, именуемого Родиной. Любовь к Родине есть тогда любовь частного, ограниченного к идее общего, и от этого она способна на самопожертвование и самоотречение.

По своей сути Родина – это наша общая народная жизнь, так как она, пишет Лосев, есть то, что нас порождает и что принимает после смерти. Не существует и не может существовать в нашей жизни смысла, если нет понимания того общего, чему служит наша жизнь, во имя чего мы рождаемся и умираем. «Одному человеку нельзя понять смысла и цели своего существования. Когда же он приникает к народу, родившему его, и через него к природе и миру, к прошлому времени и будущей надежде, – тогда для души его открывается тот сокровенный источник, из которого должен питаться человек, чтобы иметь неистощимую силу для своего деяния и крепость веры в необходимость своей жизни», – созвучно Лосеву писал о смысловой тотальности жизни советский писатель А.П. Платонов [28, с. 299–311]. Благодаря такому осмыслению рождение понимается не просто как случайный акт судьбы, а как действительная воля рода. Уход из жизни тоже воспринимается тогда не как трагическое и ужасное событие, а как победа над судьбой после собственного утверждения и выражения в созидательных делах, после труда, радостей и страданий на пользу общему для индивида – его Родине и всему человеческому роду. Из такого понимания и умонастроения возникает уверенный и смелый взгляд в вечность, в которой непременно обретает бессмертие наше личное дело.

Итак, именно диалектический подход к исследованию феномена патриотизма вершит историю развития и познания его понятия. Этот же метод позволяет выявлять и прогнозировать актуальные тенденции развития идеи патриотизма, обусловленные духом настоящей эпохи. Прослеженное нами историческое развитие диалектического понятия патриотизма открывает возможность целостно исследовать его противоречивые, но питающие его энергией моменты. В этом аспекте значимыми становятся соотношения в патриотизме инстинктивно-разумного и рационально-рассудочного, национального и универсального, логического и исторического, истинного и ложного начала. Являясь предметом особого исследования, эти категории позволяют разумно формировать патриотическое сознание, не допускать доминирования одного из моментов патриотизма, что, по сути, равнозначно одностороннему толкованию его понятия, приводящему идею патриотизма к ее псевдо- и квазиформам, а также к ее перерождению в разрушительные экстремистские идеологии.

Список литературы

1. Августин А. О граде Божием. Минск: Харвест, 2000. 1296 с.
2. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–645.
3. Беркли Дж. О духовном притяжении // Историко-философский альманах. 2012. № 4. С. 123–124.
4. Брагина Л.М. Социально-этический взгляд итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М.: Изд-во Московского университета, 1983. 303 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 480 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. М.: Книга по требованию, 2016. Т. 3. 368 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
8. Гегель Г.В.Ф. Философия религии: в 2 т. М.: Мысль, 1977. Т. 2. 573 с.
9. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Философия духа // Гегель Г.В.Ф. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Мысль, 1977. Т. 3. 471 с.
10. Гиро П. Частная и общественная жизнь греков. М.: Издание Т-ва О.Н. Поповой, 1913. VIII, II, 540 с.
11. Гомер. Илиада. Одиссея / в пер. В.В. Вересаева. М.: Просвещение, 1987. 399 с.
12. Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. / под ред. Л.Я. Жмудя. 2-е изд., испр. и перераб. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 320 с.
13. Зелинский Ф.Ф. Еврипид в переводе И.Ф. Анненского. Алкеста и Медея // Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей: в 2 т. / Репринт с изд. 1911, 1916. М.: Ладомир, 1995. Т. 1. 900 с.
14. Кашин В.В. Учение Гегеля о нравственности // Вестник ОГУ. 2005. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchenie-gegelya-o-nravstvennosti> (дата обращения: 23.03.2024).

15. Килин С.В. Об украинской проблеме России // Kilinson.com. URL: <https://kilinson.com/story/2022/04/20/ob-ukrainskoj-probleme-rossii/> (дата обращения: 01.11.2023).
16. Килин С.В. Этапы развития понятия патриотизма в западноевропейской и русской философии: историко-философский анализ: дисс. ... канд. филос. наук. М., 2023. 235 с.
17. Кронштадтский И. Моя жизнь во Христе. М.: Сретенский монастырь, 2016. 1072 с.
18. Куно Ф. История новой философии. Рене Декарт / под ред. Е.А. Лазаревой. М.: АСТ, 2004. 496 с.
19. Линьков Е.С. Лекции разных лет. СПб.: ГРАНТ ПРЕСС, 2012. 475 с.
20. Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М.: Мысль, 1979. 429 с.
21. Макиавелли Н. Государь: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2001. 656 с.
22. Мальцева С.А., Антисери Д., Реали Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность. Средневековье. Т. 1–2. СПб.: ПНЕВМА, 2012.
23. Минин П.М. Главные направления древнецерковной мистики. Сергиев Посад: Св.-Тр. Сергиева лавра, 1915. 86 с.
24. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения о духе законов. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 803 с.
25. Муравьев А.Н. Фихте о национальном воспитании: от просвещения в Paideia // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2013. Вып. 2. С. 61–69.
26. Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений / под общ. ред. акад. РАН, д. ю. н., проф. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2004. 944 с.
27. Платон. Полное собрание сочинений. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2023. 1311 с.
28. Платонов А.П. Афродита // Платонов А.П. Избранное / сост., авт. предислов., коммент. Н.Г. Полтавцева. М.: Просвещение, 1989. С. 299–311.
29. Радищев А.Н. Беседа о том, что есть сын Отечества. URL: <https://kilinson.com/story/2019/07/05/byesyeda-o-tom-chto-yest-syn-otychyestva> (дата обращения: 11.02.2020).
30. Салтыков-Щедрин М.Е. Сила событий // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. М.: Художественная литература, 1969. Т. 7. 695 с.
31. Семушкин А.В. Генезис древнегреческой философии: монография. М.: РУДН, 2009. С. 224.
32. Филарет (Дроздов Василий Михайлович). Учение о семейной жизни. М.: Благовест, 2013. 64 с.
33. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации / пер. А.А. Иваненко. СПб.: Наука, 2009. 349 с.
34. Фукидид. История / пер. Ф. Мищенко. СПб.: Академический проект, 2012. 576 с.
35. Харийс Т. Сколько патриотизмов было в Древней Греции? // Studia historica. XXII. М., 2012. С. 3–32.
36. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. М.: Аутопан, 1998. URL: <http://klassikaknigi.info/entsiklopedicheskij-slovar-brokgauza-i-efrona> (дата обращения: 01.06.2024).

37. Longley R. What Is Patriotism? Definition, Examples, Pros and Cons. URL: <https://www.thoughtco.com/patriotism-and-nationalism-4178864>. (дата обращения: 01.06.2024).

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE PATRIOTISM IDEA

S.V. Kilin

Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar

The idea of patriotism has been close to humanity since the formation of settled communities, but its holistic historical and philosophical understanding is just beginning. Existing studies focus primarily on fragments and phenomena of the patriotic idea, but due to their randomly selected diversity, it is impossible to rationally integrate them into a single semantic concept. The subjective ideas about patriotism arising from this do not contribute to the assimilation of a specific concept that includes the existence of patriotism and its essence. In turn, the deficit of patriotic mentality limits the conditions for the formation of civil identity and spiritual growth of the nation. This fact significantly narrows the prospects for state development and personality education. The article deals with the development of the patriotism idea in the history of Western European and Russian philosophical thought and culture. The logical form of the concept of patriotism, which determines the existence and essence of its constituent moments, is developed on the basis of tracing the historical evolution of the patriotism idea, which in its development goes from an immediate spontaneous state to a dialectically reasonable concept that preserves the truth of its emotional aspect.

Keywords: *patriotism, concept, idea, pseudo-patriotism, Kant, Hegel, Chadaev, Saltykov-Shchedrin, Pericles, Losev.*

Об авторе:

КИЛИН Сергей Владимирович – кандидат философских наук, проректор по науке, дополнительному образованию и молодежной политике ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», г. Краснодар. E-mail: Molpobeda@mail.ru.

Author Information:

KILIN Sergey Vladimirovich – PhD (Philosophy), vice-rector for science, additional education and youth policy, Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar. E-mail: Molpobeda@mail.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.06.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 28.07.2024.